

самую «единую» позицию, что и цементирует нацию, отсекая чужих (сомневающих и несогласных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. Т. 12 / Ленин В. И. Москва, 1968. С. 99–105.
2. Лозовский Б. Н. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации: дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
3. Шмид В. Нарратология. Москва, 2003.

Зыков В. Ф.

ПРАВДОПОДОБИЕ КАК ОСНОВНОЙ МЕТОД СОВРЕМЕННОЙ ТЕЛЕПРОПАГАНДЫ В ЖАНРЕ РАССЛЕДОВАНИЙ

По ходу информирования о событиях и интерпретации российскими СМИ кровавого конфликта на Украине для наиболее внимательной аудитории не остался незамеченным непривычный термин – «гибридная война». Оказывается, современные войны – это комплекс неразрывно взаимосвязанных действий, чья эффективность в отдельности обеспечивается как раз этой взаимосвязанностью. В августе 2014 г. генерал Филип Бридлав, командующий НАТО в Европе, дал развернутое интервью ведущей германской газете Welt. В нем он, в частности, сказал: «Наша большая проблема на самом деле – новый вид ведения войны. Мы работаем над этим... На военном жаргоне это называется DIME: дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика» (Овчинский В., Ларина Е. Поведенческие конфликты – оружие завтрашнего дня // Независимая газета. 2014. 18 нояб.).

Нельзя сказать, что включенность СМИ в мобилизацию усилий общества для победы в вооруженном конфликте, неизбежно приводящая к усилению их пропагандистских функций, является открытием. Как и характер такой пропаганды. Еще Гарольд Лассуэлл отмечал, что пропаганда военного времени и любой кризисной эпохи воздействует не столько на разумное, сколько на эмоциональное начало общественного сознания. Она нацелена на то, чтобы разбудить и мобилизовать достаточно примитивные инстинкты путем распространения простых и доступных для массового восприятия лозунгов, образов и установок [2, с. 76]. Качественное отличие пропагандистского крена в современной российской журналистике, формирующего единую систему реакций общественного организма на кризисную ситуацию, как раз и заключается в том, что она не воющий народ мобилизует на сверхусилия и героизм, а обслужива-

ет международную и внутреннюю политику власти. Правда акцент в этой политике на конфронтационную составляющую более чем очевиден. Политолог Вячеслав Костиков находит такое объяснение данному феномену: «Каким бы парадоксальным это ни казалось, но мирная жизнь предъявляет властям более сложные требования, чем военная. И когда власть не справляется с усложняющимся миром, она включает барабаны. Не потому ли у нас идёт милитаризация сознания? Страна просыпается под военные сводки. Чуть ли не каждый день обнаруживаются новые «отщепенцы», всё чаще в сети попадают шпионы, а дипломаты ежедневно дают «отлуп» внешним врагам» (Костиков В. В лабиринтах счастья. Какие рецепты выписываются народу? // Аргументы и факты. 2015. 25 февр).

По общепринятому убеждению, роль солистов в пропагандистском хоре российских СМИ выполняют федеральные каналы телевидения. По двум причинам: количественной – например, демократичный и интерактивный интернет охватывает менее 20 % российского населения, а федеральные каналы до 90 %, и качественной – возможности телевидения воздействовать на изменение массового, группового и индивидуального сознания несравненно выше, чем у других видов средств массовой информации. Манипулятивный потенциал ТВ основывается на изначальных свойствах телевизионной коммуникации. Наиболее важное в данном контексте свойство телевидения – «расслабляющий, убаюкивающий эффект», который формирует пассивность восприятия через сочетание текста, образов, музыки и домашней обстановки.

По мнению известного исследователя социально-политических технологий С. Г. Кара-Мурзы, человек может достаточно успешно контролировать, «фильтровать» сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово или через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает – «фильтры» рвутся [1, с. 331–332]. Именно эта особенность, возможность целенаправленного манипулятивного воздействия через наибольшее число коммуникативных каналов, наиболее полно представлена в таком популярном жанре, как телевизионное расследование.

Такое свойство предопределено особой драматичностью отношений авторов расследования на телевидении с социальной действительностью. В качестве предмета журналистского расследования выступают, прежде всего, разного рода проблемные ситуации и явления, происшествия, конфликты, преступления, существование которых кто-то пытается скрыть от общества. Журналист, стремясь докопаться до истины, представляет на экране и группирует факты, мнения очевидцев и экспертов, последовательно раскрывает новые

аспекты темы и связывает их в единый сюжетный узел, максимально заинтересовывая зрителя в его развязке. Для достижения этой цели используется динамичное изображение, причем фигура в видеоряде и фон могут работать по-разному – и в единстве, и в контрапункте; монтаж, то есть произвольно-осмысленное сочетание кадров; синхронная речь персонажей; закадровый текст; фоновый звук; наконец, «стенд-ап» – речь корреспондента на фоне события. Очень часто профессионально сделанное журналистское расследование обретает некоторые сюжетные особенности детективного жанра.

Такой богатейший арсенал выразительных средств, в своей совокупности «зомбирующий» аудиторию, просто провоцирует достаточно профессиональных исполнителей политического заказа на обращение к жанру телевизионного расследования. Естественно, что при этом выхолащивается сама суть понятия «расследование». Идет не поиск идеи, обобщающей разнородный фактологический материал по теме расследования, а подбирается наиболее правдоподобный экранный вариант представления компромата на политических противников.

Своего рода классикой заказных псевдорасследований три года назад перед широкой публикой предстали громко срезонировавшие документальные фильмы «Анатомия протеста» и «Анатомия протеста – 2». Как своеобразное продолжение этого сериала на том же канале НТВ были показаны «13 друзей хунты» и «17 друзей хунты». Нет недостатка в продолжении ментальных войн за умы, ценности, установки российских граждан и в самое последнее время. Стоит только перечислить названия спецрепортажей, показанных на канале НТВ, претендующих по своей форме на жанр телевизионного расследования: «Пятая колонна», «Гопгвардия Украины», «Левозащитники», «Агент тайного ордена. Теневая жизнь Арсения Яценюка», «Фурии Майдана: секс, психоз и политика» и т. д.

В своем сконцентрированном варианте контент телевизионного разоблачения политических противников действующей власти наиболее полно представлен в упомянутых «Анатомиях протеста». Бесспорно, в фильмах прослеживается хорошая сценарная подготовка. Авторы научились «более лучше» смешивать правду с вымыслом. Правда, этот эффект правдоподобия не смог сбить с толку наиболее образованную часть аудитории и телепрофессионалов. В частности, самое пристальное внимание аудитории вызвал снятый скрытой камерой эпизод совещания оппозиционеров с грузинским политиком Гиви Торгамадзе. Речь на нем шла о якобы подготовке заговора по свержению нынешней российской власти.

Через несколько дней в сети Интернет появилась видеолента-комментарий этого эпизода: «Ложь “ЧП. Расследование Анатомия

протеста – 2»». В ней детально проанализированы все мизансцены снятого скрытой камерой центрального эпизода фильма. Специалисты насчитали в нем 19 (!) несовпадений текста и видео. Например, такие:

- В кадре говорит и жестикулирует Удальцов, а звучит голос Таргамадзе;

- На одном и том же кадре разная озвучка;

- Человек, сидящий спиной к камере, дергается в смехе раньше звука;

- Таргамадзе «чрево вещатель»: сидит перед камерой и не шевелит ртом, а голос с очередным саморазоблачением заговорщика звучит.

И вообще, как считает известный теледокументалист Михаил Дегтярь, очень плохое качество картинки на переговорах Удальцова с Таргамадзе смонтировано специально, чтобы «подкладывать» под видео любой текст. Ну и, конечно, в фильме есть масса других передержек, накладок, искажений и откровенного вранья, как того требует стилистика пропагандистского творчества.

Павел Лобков, покинувший НТВ в знак протеста против таких методов работы, раскрывает и другие профессиональные «секреты» своих бывших коллег. «В своих передачах они комбинируют разнообразные источники, как собственные съемки, так и архивы, интервью, которые давались людьми по другим поводам и в другом контексте, а может, даже другим каналам. Чаще всего они работают без своего зеленого микрофона и представляются аутстаффиговой компанией ППК (Первая продюсерская компания)» (Соколов С. НТВ лижет // Новая газета. 2012. 17 марта).

То есть в пропагандистской журналистике есть свои критерии профессионального мастерства. Ведущим, по всей видимости, является правдоподобие. По мере обретения телезрителями интернетовского опыта, основанного на активной рефлексии в интерактивном формате, растет и степень недоверия к видеоматериалу и комментариям к нему категорично однозначного порядка. С помощью профессионалов зрители также накапливают опыт «прочтения» пропагандистских уловок, используемых при создании «разоблачительных» телеисследований. Хотя в своей основной массе телеаудитория оказывается под сильным пропагандистским влиянием изолированного телевизионного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. Москва, 2015.
2. Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. London, 1927.